

ЭКСКУРСИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

ТАИНСТВЕННЫЙ САКВОЯЖ

Собственно, никакого музея еще нет. И путешествие по анфиладе его залов совершить нам не удастся. И все же давайте отправимся к берегам Черного моря, в город Одессу, на улицу Ласточкина.

И не пожалеем. Мы окажемся в настоящем сказочном дворце, построенном в 50-х годах прошлого столетия для князей Гагариных архитектором Людвигом Оттоном.

Но скоро сказочный дворец станет еще краше прежнего, гагаринского. Здесь будет Государственный литературный музей.

...По белому мрамору ступеней гости поднимутся в Золотой зал, где некогда собиралось блестящее общество литераторов и музыкантов, и звучат стихи, прекрасная музыка, рассказы о новых книгах.

А главное, конечно, экспозиция, занимающая более трех тысяч квадратных метров. Она расскажет о 211 писателях, чье творчество так или иначе связано с пребыванием на юге Украины. Пушкин и Гоголь, Белинский и Добролюбов, Мицкевич и Вазов, А. Н. Островский и Чехов, Бунин и Куприн, Леся Украинка и Кочубинский, Маяковский и Горький, Воронский и Франко, Драйзер и Барбюс, Паустовский и А. Толстой, Довженко и Яновский, Олеша и Катаев, Багрицкий и Бабель, Ильф и Петров...

Нельзя сказать, что директору будущего музея, неутомимому исследователю родного города, автору многих публикаций и книг Никите Алексеевичу Брыгину достаточно было легкого мановения волшебной палочки, чтобы сбылась мечта. Три пухлых папки переписки с различными инстанциями — все это уже позади.

Проведем несколько минут в кабинете директора.

— А что если в сквере перед входом в музей расположить фигуры, как бы поднимающиеся по ступеням лестницы со стороны моря? Челкаш (кстати, именно здесь, по соседству с нами, ночевал в портовой ночлежке в 1891 году Горький-грузик), катаевские Петя и Гаврик...

...В кабинете возникает мужчина неопределенного возраста.

— Шел и мимоходом решил заглянуть, — произносит он постным, безразличным тоном, проворно извлекая, однако, из авоськи две старые книжицы.

...Вот они, лежат рядом книжные уникумы, многократно запрещаемые царской цензурой, считаемые жандармерией и охранкой, но все-таки сохранившиеся.

«Венок Тарасу Шевченко. Из стихотворений украинских, галицких, российских, белорусских и польских поэтов». Печатан в Одессе. Год выпуска 1912-й.

А другая книжица еще более удивительна: «Як за гаем. Собрание украинских дум и песен — исторических, казачьих, чумацких, бурлацких, солдатских, любовных, промышленничьих, поучительных, семейных, шуточных, плясовых, обрядных, колыбельных, свадебных и тому подобных». Издано в Москве в 1896 году.

— Замечательно! — восклицает директор. — Они же могут стать украшением нашей выставки «В семье единой».

Юбилейная книжная выставка, посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией, на днях открывается в музее. Это будет уже третья по счету выставка.

Да, выставка, невзирая на груды штукатурки и строительные леса в анфиладах княжеских покоев, а также на табличку у главного входа на русском и английском: «Идет реставрация».

...Без стука является шумная женщина с квадратным на трех замках баулом и требует приема вне очереди.

— Есть саквояж самого Рухомовского, — таинственным шепотом сообщает она.

— Одесского ювелира? — изумляется директор. — Автора подделок антики, настолько гениальных, что ему потом стоило немало трудов доказать свое авторство ученым Франции, Англии, Италии, Германии, в музей которых сбывались его «античные раритеты» как подлинные?

— «Тиара Сайтаферна» была доставлена в Лувр в этом саквояже, — понизила голос женщина. — 200 тысяч франков. Загадочные обстоятельства. Погоня... это описано во многих книгах...

— А вы знаете, — усмехнулся Н. Брыгин, когда за женщиной затворилась дверь, — мы не прочь создать в музее в недалеком будущем специальный раздел истории приключенческой литературы на юге Украины. Вышедшие еще в середине прошлого века «Сокровища Одесских катакомб» написаны по всем законам детективного жанра. А позднее? Еще более интересные примеры.

Однако не станем мешать. Покинем кабинет директора и поспешим в фонды.

Кстати, мы будем не единственными «путешественниками» в мир литературных сокровищ. Недавно гостем музея был гостивший в Одессе известный американский писатель Уильям Сароян, автор широко известных романов «Человеческая комедия», «Приключения Весли Джексона» и других. Он подарил музею свои книги и фотографии с сердечными автографами. Подолгу стоял писатель у каждого экспоната, тронувшего его сердце.

Итак, в путь...

КТО ТЫ, МАРИЯ!

Юная и прекрасная, она, чуть заметно улыбаясь, глядит на нас с портрета. И как-то тайна сквозит в ее туманном взгляде. Это полотно, принадлежащее кисти художника Е. О. Буковецкого, знавшего многих великих писателей, изображает Марию Денисову. Однако кто она, эта Мария? Уж не та ли самая, о которой писал Владимир Маяковский в поэме «Облако в штанах»? Не в ней ли относятся неповторимые строки:

Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей
рожденное слово...

Многие данные свидетельствовали о том, что юношеская любовь великого поэта и есть Мария Денисова. Однако это утверждение нуждалось в серьезных доказательствах. И начались неустанные поиски. Началось им положила строчка: «Это было в Одессе...» Значит, сам поэт указывал адрес своей любви. А случилось так: Маяковский, совершая поэтическое турне вместе с Василием Каменским и Давидом Бурлюком по Украине и Молдавии, в январе 1914 года выступал в Одесском русском театре. Его слушали, кто с любопытством, кто с восторгом, кто с настороженностью. В одном

из одесских литературных альманахов того времени появилось стихотворение Эдуарда Багрицкого «Гимн Маяковскому». Однако отнюдь (вернее, не только) не горячий прием слушателей влек поэта снова в этот незнакомый до сей поры южный город. И мало кому известно, что хмурой, «декабрью» зимой этого же года он снова вернулся в Одессу, где ожидала его Она, его юная любовь.

...А я одно видел:
Вы — Джокода,
которую надо украсть!
И украл...

Последняя строчка, очевидно, свидетельство неудачи первого чувства поэта: ведь поэма «Облако в штанах» во многом автобиографична.

Упорные поиски, работа в архивах Н. Брыгина, многочисленные запросы оставшимся в живых родственникам и близким, помогли установить, что Мария Денисова, чей образ навеял Маяковскому удивительные строки, действительно жила в то время в Одессе, в семье старшей сестры, Екатерины Александровны Филипповой, была образованной девушкой. В гостях здесь бывали многие известные люди, художники, литераторы, в том числе и молодой поэт Владимир Маяковский. Мария Александровна Денисова была талантливым скульптором. Ею выполнен один из самых первых скульптурных портретов Маяковского. Кстати, впоследствии он экспонировался на выставке «Художники РСФСР за 15 лет» (1917—1932 гг.).

Мне посчастливилось в фондах музея перелистывать страницы любопытного альбома. Он принадлежал художнику Георгию Фурсе, хорошо знавшему Маяковского. На одном из пожелтевших от времени листов — неизвестный, выполненный в карандаше портрет «Читающий Володя Маяковский». Поэт изображен здесь сосредоточенно-серьезным.

Ему тогда едва минуло двадцать. Альбом передала в дар музею вдова художника.

«ИТАК, Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ...»

Город Одесса старше Пушкина всего на пять лет. Они оба — город и поэт — были очень молоды, когда встретились. Тринадцать месяцев, проведенных 24-летним Александром Пушкиным в Одессе, в южной ссылке, подарили миру гениальные строки почти трех десятков лирических стихотворений, две с половиной главы «Евгения Онегина», здесь он закончил «Бахчисарайский фонтан», начал «Цыган»...

С тех пор город и поэт полюбили друг друга. Уже из Михайловского Пушкин пишет друзьям: «Ради бога, хоть одно слово об Одессе». И здесь же, среди михайловских полей, родились строки о южном городе у моря.

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг
обильный
Своим подымлет паруса...

Наким он запомнился горожанам? Молодым, кудрявым, в свободной русской рубашке, красной турецкой феске, с железной тростью в руке.

Где же сейчас эта знаменитая трость, с которой поэт бродил по солнечным улицам молодого города, сочиняя прекрасные строки? Она претерпела немало приключений, прежде чем попала туда, где ей и надлежит быть, — в рабочий кабинет Пушкина в селе Михайловском, откуда зазвучали на весь мир гениальные строки воспоминания.

Долго было неизвестно, где она, эта трость — спутница поэтических прогулок поэта. Затем, в 1887 году, очевидно, обнаружив ее у кого-то из друзей, журналист и общественный деятель того времени Н. Тройницкий передал ее в дар Одесскому обществу истории и древностей. К 100-летию со дня рождения поэта трость экспонировалась на Одесской пушкинской выставке, в июне 1899 года.

«№ 208, — читаем мы в каталоге этой юбилейной выставки, — трость А. С. Пушкина, оставленная им при выезде из Одессы 30 июля 1824 года».

Затем следы пушкинской трости вновь теряются. И только усилиями многих исследователей творчества поэта, литературоведов пушкинской реликвии вновь была обнаружена и передана по назначению. Эту историю поведал один из научных сотрудников Одесского литературного музея Р. Александров, человек, идущий путем неустанный поиска, узнавший много нового и о «Гамбринусе», о дружбе А. Куприна с Сашкой-музыкантом и о том, как о нем написал в те годы рассказ одесский писатель, отец Романа Кармена, Л. Кармен...

Но это к слову. На первом плане в будущем музее будет, конечно, Пушкин. Ведь именно он, великий русский поэт, дал Одессе, по выражению современника Пушкина одесского поэта В. И. Туманского, «грамоту на бессмертие». И город платит поэту великой любовью. Никогда не увядают пурпурные розы у подножия памятника, на пьедестале которого начертано: «А. С. Пушкину — граждане Одессы».

Пушкинская улица, 13. Здесь помещалась гостиница, в которой в июле 1823 года жил поэт, где «любая из комнат о Пушкине знает и помнит...» Теперь тут Пушкинский отдел Одесского государственного историко-краеведческого музея, который, очевидно, станет филиалом нового, литературного. Это было бы закономерно. Уже сейчас научные сотрудники по крупницам собирают все, что связано с именем Пушкина. В фондах бережно хранятся редкие издания поэта. Например, тоненькая книжица — ставшее библиографической редкостью издание «Братьев-разбойников» 1827 года или прижизненное издание «Евгения Онегина»; кресло пушкинских времен.

В одной из комнат домика на Пушкинской, за стеклом книжного шкафа выстро-

лись в ряд пудовые фолианты — книги из богатой библиотеки графа М. Воронцова, которыми пользовался «коллегский секретарь А. Пушкин».

ЧАСЫ БУНИНА

— А теперь взгляните сюда... Никита Алексеевич вынимает из сейфа и ставит на стол то ли старинные ходики, то ли будильник с потемневшим циферблатом. Заводит пружину. Слышится громкое тиканье: часы будто спешат наверстать потерянное время. И переносит нас к дням одного из приездов в Одессу замечательного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина.

— Под это тиканье создавался перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло, — говорит Брыгин. — Часы эти писатель купил по случаю в Ялте. И они стояли в его одесской квартире, на улице Пастера, 44... Посмотрите, на обратной стороне часов нацарапана дата: 18 июля 1898. Предполагают, что сделана она рукой самого Бунина. Откуда взялись часы? Они были подарены мне в 1962 году Анной Николаевной Цакни.

Заходим в одну из комнат, где хранятся принадлежавшие Бунину вещи. Помните: «Бунин присаживался к круглому, не покрытому скатертью столу из цельного палисандового дерева, на котором, отражаясь, как в вишнево-красном зеркале, стояла штампованная из тонкой меди, вернее, из латуни, чашка, служившая чепельницей — полное легкое полушарие с тисненым восточным орнаментом» — такой видел комнату Бунина (в другой его приезд) на Княжеской улице молодой тогда Валентин Катаев, опи- савший эту обстановку в «Траве забвенья».

...И вот этот круглый палисандового дерева, массивный стол на толстой, как у белого гриба, единственной ноге. Пока этот «гриб» перевернут «шляпой» вниз. Старинная люстра, освещавшая некогда крупную голову Ивана Бунина, сейчас упрятана в холщовый чехол в ожидании того момента, когда она вспыхнет ярким светом в зале дворца, там, где 15 ноября 1899 года Иван Алексеевич читал отрывок из своей новой книги «На край света».

Путешествие наше закончится на бывшей даче Ковалевского, за шестнадцатой станцией Большого Фонтана, где гимназист Валентин Катаев с трепетом вручил когда-то свои первые робкие стихи Ивану Алексеевичу Бунину.

Лилипут-трамвайчик, резво бегающий по узкой одноколейке, подвезет нас прямо к воротам, где ныне помещается Дом творчества писателей Украинского отделения Лигфонта. Место это хоть и называется теперь официально «улица Амундсена», но одеситы по-прежнему именуют его «дачей Ковалевского». Правда, никакой дачи давно уже нет. Нет и знаменитой, многократно описанной в литературе башни. История этого дома поистине неисчерпаема. Мало кто знает, что здесь незадолго до Великой Отечественной войны Муса Джалиль написал яркие, солнечные стихи об Одессе...

Этот кусочек уютной диким виноградом земли, над вечно бегущими волнами с белеющим вдали «одиноким парусом», как и многие другие памятные места Одессы, связанные с жизнью и творчеством выдающихся писателей прошлого и современности, несомненно должен стать частью литературного музея.

Валентина ЖЕГИС,

наш спец. корр.

ОДЕССА.

● Одесский государственный академический театр оперы и балета.

Фото И. Павленко [ТАСС].

